

как Тьеполо стал дожем Венеции, что отчасти видно из самой картограммы — Никея (в 1219 г.), Бейрут (в 1221 г.), Кония (в 1211—1220 гг.). Во-вторых, к дипломатическим достижениям Тьеполо отнесены связи, возникшие гораздо ранее, чем это указано в картограмме: договорные отношения с Александрией существовали уже в 1217 г., с Дубровником (на картограмме — Рагуза) дипломатические отношения возникли еще в X в., а может быть, и ранее¹⁴, кабальный же договор был навязан Венецией Дубровнику в первый раз не в 1236, а в 1232 г.¹⁵; наконец, совершенно непонятно, почему на картограмме фигурирует Задар (на картограмме — Зара); Задар в сфере влияния Венеции находился с перерывами с конца X в. и, кроме того, не входил в состав венецианской Романии, как ее понимает автор. Есть мелкие недочеты на отдельных исторических картах: такова, например, карта на стр. 83, где представлены венецианские владения в Романии после раздела империи. Здесь острова Лемнос, Тинос и некоторые другие показаны как владения вассалов Венеции, в то время как на стр. 82 совершенно правильно указано, что владелец первого из этих островов (Навигайозо) был вассалом императора Латинской империи, а владельцы Тиноса, Гизи — вассалами Марко Санудо, в свою очередь бывшего вассалом сначала того же императора, а позднее — князя Ахейского.

* * *

От замечаний общего характера перейдем к рассмотрению каждой из трех составных частей труда Ф. Тирье.

В первой части, как уже было указано, Ф. Тирье дает краткий обзор первых веков венецианской истории и достаточно подробно описывает взаимоотношения Венеции с Византийской империей. Мы не можем не отметить в этом содержательном и интересном очерке некоторых положений, которые, на наш взгляд, не могут быть приняты безоговорочно.

Когда автор говорит о бегстве на острова лагун представителей земельной знати, непонятно, какие «капиталы» он имеет в виду, благодаря которым будто бы оживилась венецианская экономика, находившаяся в период варварских вторжений на крайне низком уровне. Мысль эта брошена автором вскользь (стр. 33) и не получила дальнейшего развития, из-за чего она теряет, естественно, всякую убедительность.

Первая попытка венецианской плутократии овладеть далматинским побережьем при доже Пьетро II Орсеоло изображается автором как борьба с далматинскими пиратами, в результате которой «возникла» никогда не существовавшая в действительности «венето-далматинская федерация под венецианским председательством» (стр. 35). Автор заимствовал эту мысль из многочисленных сочинений по истории Венеции, авторы которых стремились исторически «обосновать» права Италии на далматинское побережье¹⁶. В действительности со второй половины X в. Венеция начала настойчиво проводить политику подчинения романо-славянских

¹⁴ См. нашу статью «Возникновение Адриатического вопроса» («Уч. зап. Горьковского гос. ун-та», вып. 43, 1957, стр. 103 и сл.).

¹⁵ См. нашу статью «К вопросу об установлении венецианской супрематии над Дубровником» («Научные труды Горьковского гос. пед. ин-та», вып. XIII, 1950, стр. 152).

¹⁶ Назовем некоторые из них: L. Galibert. Histoire de la république de Venise. Paris, 1847, p. 41; Eug. M u s a t t i. Venezia e le sue conquisti nel medio evo. Verona-Padova, 1881, p. 94, 95; R. C e s s i. Storia della repubblica di Venezia, vol. I—II. Milano—Messina, 1944—1946, p. 90.